

— Доуи Юаньши, не слушаешь ли ты меня?

Услышав эти слова, Юаньши в тот же миг захотел развернуться и уйти. Однако из-за того, что они оба принадлежали к Саньцин, он всё же не мог открыто выказать неуважение Чжуньти и Цзэиню.

Бросив взгляд на Чжуньти и Цзэиня, Юаньши на мгновение успокоил дыхание, отложил в сторону недоеденный духовный фрукт, которым только что кормил журавля, и с холодным выражением лица посмотрел на незваных гостей, внезапно появившихся перед ним.

— Какими судьбами двое доуи пожаловали на Куньлунь? — Юаньши отпустил фрукт и принялся тщательно вытирать испачканные соком пальцы отрезом шелка.

Увидев это, Чжуньти невольно почувствовал, как у него защемило сердце. Хоть тот фрукт и не был Духовным Корнем Хунмэн, он всё же являлся Врожденным Духовным Корнем, а шелк, которым Юаньши вытирал руки, был непроницаемым для воды и огня Акульим Шелком с потрясающими защитными свойствами. И вот так расходовать духовные фрукты на птиц, а Акулий Шелк — на протирку рук — разве это не пустая трата сокровищ?!

Заметив, что Чжуньти и Цзэинь молча пялятся на его руки, Юаньши ощутил некоторую неловкость. Нахмурившись, он повторил вопрос:

— Зачем вы оба прибыли на гору Куньлунь?

Напомненные Юаньши, Чжуньти и Цзэинь наконец вспомнили цель своего визита — они пришли пожаловаться на Тунтяня. Церемонно отдав должное этикету, они произнесли:

— Мы пришли навестить тебя, поскольку недавно повстречали доуи Шанцина и его спутника жизни — принца Клана Драконов.

Услышав это и взглянув на заметно распухшие лица Чжуньти и Цзэиня, Юаньши сразу всё понял. Без сомнения, их избили Тунтянь с Фан Цанугом, иначе с какой стати им являться на Куньлунь с жалобами?

— Продолжайте, — холодно бросил Юаньши.

Чжуньти и Цзэинь с глубоким чувством на лицах заговорили вновь:

— Мы знаем, что доуи Шанцин обладает заслугами сотворения мира и находится под защитой небес. Однако принц Клана Драконов — совсем другое дело! Он своенравен, жесток и беспощаден, отнимает чужие возможности и свирепствует точно так же, как сам Цзулун в прежние времена!

При звуках имени Цзулуна брови Юаньши невольно сошлись на переносице. Именно из-за Цзулуна Клан Драконов некогда вёл себя столь надменно, что в конце концов привело к великой беде.

Заметив, что Юаньши нахмурился, Цзэинь тут же продолжил:

— А доуи Шанцин балует его сверх всякой меры, во всём потакает и всё делает за него своими руками. Если так пойдет и дальше, даже его заслуги сотворения мира не спасут положение — быть беде.

Юаньши холодно фыркнул:

— Тунтянь никогда не слушает моих слов. Когда-то я велел ему расторгнуть союз с этим драконьим принцем, но он в ответ лишь дерзил мне.

С этими словами Юаньши взмахнул рукавом, демонстрируя, что его настроение испорчено хуже некуда.

Чжуньти молча переглянулся с Цзэинем и тут же принялся расхваливать Тунтяня:

— Доуи Шанцин — один из Саньцин, обладает великой силой и чистейшей добродетелью. Не иначе как этот принц Клана Драконов обманул его, заставив вас рассориться!

— Истинно так, истинно! Такой человек, как доуи Шанцин, никогда не стал бы пререкаться со старшим братом, его наверняка подбил на это драконий принц!

Слушая речи Чжуньти и Цзэиня, Юаньши мысленно усмехнулся. Будучи старшим братом Тунтяня, разве он не знал о скверном характере младшего? Какой еще драконий принц его наставил, какой еще обман! Даже без всякого драконьего принца Тунтянь легко мог довести его до белого каления.

Впрочем, на лице Юаньши всё же проступило некоторое раздражение. Поджав губы, он произнес:

— Благодарю вас за весть, доуи. Я сейчас же разыщу Тунтяня и задам ему хорошей взбучки.

С этими словами Юаньши в гневе развернулся и ушел, оставив Чжуньти и Цзэиня стоять на прежнем месте.

Однако те вовсе не рассердились — грубое поведение Юаньши было именно тем, что они хотели увидеть. А последовавшая за этим ссора между братьями полностью укладывалась в их расчеты.

Когда Чжуньти и Цзэинь покинули пределы горы Куньлунь, Чжуньти покосился на спутника и сказал:

— Если дело ограничиться лишь такими перепалками, вряд ли удастся посеять рознь между Саньцин.

Цзэинь улыбнулся и ответил:

— Противоречия накапливаются день за днем. Со временем их станет так много, что неизбежно грянет взрыв. Вот тогда-то мы и увидим междоусобицу внутри Саньцин.

— Верно, — со смехом согласился Чжуньти, а затем добавил: — Раз уж выдалась редкая возможность побывать на Востоке, почему бы нам не прихватить с собой немного духовных трав и бессмертных фруктов?

Услышав это, Цзэинь нахмурился и с жалобным выражением лица протянул:

— На Западе духовная энергия скудна, боюсь, даже если мы их увезем, они не приживутся.

Чжуньти вздохнул, глубоко скорбя о несправедливости Небесного Пути, который обрек Запад на бесчисленные бедствия, не предложив взамен никакой компенсации и заставляя их постоянно терпеть презрительные взгляды восточных практикующих.

— Ладно, ладно. Возвращаемся на Запад.

Едва замолкли эти слова, как фигуры Чжуньти и Цзэиня растворились на краю неба.

Фан Цануг и Тунтянь вернулись на Куньлунь лишь вдоволь наигравшись. Едва ступив на священную гору, они увидели Юаньши, который с бесстрастным лицом восседал за каменным столом.

— Старший брат, — поприветствовал его Тунтянь.

Фан Цануг спрятался за спину Тунтяня и мягким детским голоском послушно повторил вслед за ним:

— Старший брат.

Юаньши холодно покосился на Фан Цануга, прятавшегося за спиной брата, и неожиданно бросил:

— Больше не зовешь меня мамой?

— Ой-ёй-ёй, мама! — Фан Цануг всегда умел приспосабливаться к обстоятельствам. Юаньши велел звать себя хоть горшком — он был готов на всё, предварительно изобразив крайнюю жалостливость.

Юаньши лишь холодно фыркнул, не желая препираться с Фан Цанугом. Посмотрев на Тунтяня, он произнес:

— Говорите, каких бед вы натворили на этот раз?

— Каких бы бед мы ни натворили на стороне, неужто мамочка Юаньши не сможет всё уладить? — с глазами полными слез произнес Фан Цануг.

— Не называй меня мамой, — с каменным лицом отозвался Юаньши, изо всех сил стараясь сдержаться и не отчитать Фан Цануга, ведь тот наверняка заплачет.

— Тогда братик? — Фан Цануг склонил голову набок.

Юаньши сник:

— Нет у меня такого младшего брата.

— Раз нет брата, тогда я могу быть младшей сестричкой! — с воодушевлением заявил Фан Цануг.

Потеряв дар речи, Юаньши лишь махнул рукой:

— Зови меня и Лао-цзы старшими братьями, и хватит с тебя.

— Братик, — слаще прежнего пропел Фан Цануг голоском маленького дракона.

Странное дело — Юаньши вдруг почувствовал, что получил от Фан Цануга то, чего никак не мог дожидаться от самого Тунтяня. Ощущение было на редкость приятным.

Тунтянь при этом приподнял бровь, протянул руку и ущипнул Фан Цануга за мягкую щеку:

— Малыш дракон, звал бы ты меня братиком с такой же нежностью, я бы исполнил любое твое желание.

— Не дури! — помрачнев лицом, оборвал его Юаньши.

Тунтянь тут же убрал руку с лица Фан Цануга и вытянулся по струнке.

Избавившись от помех в лице Фан Цануга, Юаньши наконец перешел к делу.

— Недавно на Куньлунь приходили Чжуньти и Цзэинь, — обратился он к Тунтяню и Фан Цанугу.

Фан Цануг моргнул и выдал:

— Что, не смогли одолеть нас в драке и побежали жаловаться старшим? Совсем стыд потеряли.

Юаньши слегка покачал головой, переводя взгляд на Тунтяня:

— Они приходили, чтобы рассорить нас с тобой.

Фан Цануг недовольно зафыркал:

— Плетут грязные интриги, бессовестные! Старший брат Юаньши, не верь им, Тунтянь любит тебя больше всех.

Стоило Фан Цанугу договорить, как Тунтянь поспешно проглотил все те трогательные слова, которые собирался произнести.

Юаньши же бросил на Тунтяня косой взгляд и промолвил:

— Было бы чудо, если бы он реже трепал мне нервы.

Тунтянь горько улыбнулся:

— Верно.

После этого Юаньши в подробностях пересказал им обоим всё, что наговорили Чжуньти и Цзэинь.

Выслушав рассказ, Фан Цануг потрогал себя за подбородок:

— Судя по их словам, я — коварная обольщеница, сбивающая Тунтяня с пути истинного!

Окинув взглядом собственный рост, он добавил:

— Не сходится. Демоница, способная очаровывать людей, не может быть такого роста.

Едва Фан Цануг закончил, как палец Тунтяня щелкнул его по лбу.

— Не болтай глупостей, — с легкой улыбкой произнес Тунтянь, в чьих глазах сквозила нежность, которой он сам в себе не замечал.

Юаньши невольно кашлянул, глядя на эту парочку, и тогда Тунтянь наконец оставил в покое своего маленького спутника.

А Фан Цануг посмотрел на Юаньши и предложил:

— Раз уж они так жаждут раскола среди Саньцин, давайте сыграем для них спектакль.

Услышав это, Тунтянь резко обернулся к Фан Цанугу. Если начать эту игру уже сейчас, сохранится ли хоть какой-то шанс на выживание для Цзецзяо во время грядущей Божественной Битвы?

Если все вокруг поверят, что братья из Саньцин разошлись во мреках, в то время как их сердца и души по-прежнему крепче любого камня, удастся ли ему заполучить больше инициативы, когда разразится великая катастрофа?

Ему ведь нужно совсем немного свободы действий — лишь бы его ученики не приняли мученическую смерть, чтобы восемь тысяч бродяг-бессмертных Цзецзяо не были угнаны в рабство, а половина адептов Чаньцзяо не оказалась обманом завлечена Жаньдэном на Запад.

— Старший брат, — не удержался Тунтянь, обращаясь к Юаньши.

Брови Юаньши сошлись на переносице, и он мягко прикрикнул:

— Хватит баловаться.

Но Тунтянь повторил с еще большим нажимом:

— Старший брат.

В его взгляде читались мольба и бесконечная скорбь, от которых у Юаньши защемило сердце. Вместе с тем в нем поднимался слепой гнев: что же сотворили те двое с Западом, раз Тунтянь смотрит на него с таким выражением?

Прежде чем Юаньши успел до конца во всем разобраться, его широкие белые рукава крепко ухватил Фан Цануг.

— Братик Юаньши, ну неужели ты не можешь согласиться? — запричитал он, вновь собираясь пустить слезу.

Не успел Юаньши раскрыть рот, как услышал угрозу:

— Если не послушаешься, я испачкаю твои одежды своими следами!

Юаньши почувствовал, как к горлу подкатывает горячая кровь. Резко выдернув рукав, он леденящим взглядом уставился на Фан Цануга:

— Фан Цануг, ты серьезно думаешь, что я не посмею тебя отлупить?

Юаньши, страдавший тяжелой формой гермофобии, вечно ходил в белоснежных одеждах и не терпел на них ни единого пятнышка. Заявление Фан Цануга о намерении оставить следы на его наряде задело самую болезненную струнку.

Стоило Юаньши договорить, как Фан Цануг залился слезами. Причем плакал он вовсе не жалко и тихо — о нет, он орал во всю мочь, потому что страшно боится получить от Юаньши!

Увидев эту картину, Тунтянь схватился за голову — он и представить не мог, что слезы его маленького спутника обладают столь сокрушительной силой.

— Не плачь, не плачь, — поспешил он утешить сожителя.

Фан Цануг всхлипывал сквозь слезы:

— Пусть... пусть только братик Юаньши пообещает меня не бить!

— Не буду, не буду я тебя бить, — устало вздохнул Тунтянь.

Юаньши холодно фыркнул:

— Стал бы я опускаться до того, чтобы воевать с ребенком.

Тунтянь мысленно потерял дар речи: если так, то к чему был весь этот вид кровожадного маньяка минуту назад?

В конце концов Юаньши дал согласие на их план притвориться врагами. Разыграть это представление перед западными посланцами они решили во время проповеди во Дворце Цзысяо.

К тому моменту Саньцин придут первыми, а Фан Цануг появится позже; тогда Юаньши и Тунтянь публично разругаются из-за него, и тогда никто на свете не усомнится в том, что между ними пробежала черная кошка.

Услышав этот план, Тунтянь поначалу хотел было отказаться, но Фан Цануг тихонько покачал головой и произнес:

— У Небесного Пути свои предназначения.

Предписанных Небесным Путем святых невозможно изменить, и если вмешаться слишком рано, можно навлечь на себя гнев небес. Куда лучше плыть по течению, разыграв этот спектакль как можно правдоподобнее.

<http://bllate.org/book/21824/2259974>